

существовании египетских научных библиотек».

Итак, восхищаясь очередным томом библиографического указателя «Русский фольклор», поражаясь способности уловить любую фольклорную (и парафольклорную) информацию в море новых постперестроечных, подчас однодневных изданий, в период упадка государственной библиографии, рецензенты надеются на новый выпуск и закрытие двух хронологических лакун (1856–1886 гг. и 1986–1990 гг.).

В.В. Головин, О.Н. Ильина

© 2002 г., ЭО, № 6

Armenian Folk Arts, Culture and Identity. Bloomington; Indianapolis, 2001. 312 p., il.

Богатая арменоведческая литература пополнилась новой книгой – «Армянское народное искусство, культура и идентичность», написанной сотрудниками двух институтов Национальной академии наук Армении – Института археологии и этнографии и Института искусств, Государственного музея этнографии Армении и Центра армянских ремесел в Ереване под руководством известного культуролога Левона Абрамяна и американской фольклористки Нэнси Суизи.

Книга состоит из предисловия, шести разделов (каждый сопровождается небольшой прерамбулой, написанной Н. Суизи), послесловия, глоссария, примечаний, библиографии, именного, географического и терминологического указателей и сведений о ее создателях. Даже простое перечисление элементов структуры представленной работы свидетельствует о научном, исследовательском характере книги. Названия же разделов и параграфов, помимо научного содержания, имеют и привлекательное, можно даже сказать интригующее звучание.

Рецензируемая монография – во многом новаторская как по замыслу, так и по исполнению. Поскольку она прежде всего призвана познакомить широкого и подчас малосведущего, причем англоязычного, читателя с историей и культурой Армении, авторы делают это в доступной и увлекательной форме, используя не сухой академический, а живой повествовательный язык, однако не впадая при этом в упрощенное популяризаторство, в чем несомненная заслуга редакторов Л. Абрамяна и Н. Суизи. В книге рассматривается целый ряд важных проблем арменоведческого и, шире, культурологического плана, редко или даже впервые обсуждающихся в работах такого рода, что выгодно отличает рецензируемый труд от арменоведческих изданий последних лет.

Основная идея, которая проходит красной нитью по всей книге – это преемственность традиций армянской культуры и основанной на ней армянской идентичности с древнейших времен до наших дней. Есть множество изданий, посвященных различным аспектам богатой армянской культуры, искусства, науки и т.п., в которых часто только в конце исследования в виде выводов говорится о преемственности. Здесь же эта связь времен и восприятий окружающего мира прослеживается в каждом разделе.

Хочется обратить внимание и на следующий положительный момент: если, например, в академических изданиях, посвященных архитектуре, строительному делу, живописи, музыке и т.п. источниковедческой базой часто служат лишь фактологические материалы, то в этой книге к ним добавляется и сам создатель произведений культуры, а именно мастер-ремесленник. И оказывается, что выявленная в ходе исследования преемственность в материальных проявлениях культуры есть прежде всего результат преемственности образа мышления, мировосприятия или, пользуясь обобщающим термином – идентичности в целом. В этом отношении небезынтересны, например, такие факты: изделия мастеров XIX в. по существу повторяют древние творения, ставшие известными лишь благодаря археологическим раскопкам XX в., современный ювелир создает свои произведения по урартским образцам, тем самым внося лепту в разгоревшиеся в последнее время дебаты относительно этногенетических связей армянской и урартской культур, о которых современный мастер узнал лишь из раскопок последнего времени. Как подчеркивает в «Предисловии» Л.А. Абрамян, эта книга представляет армянскую культуру благодаря творчеству мастеров-ремесленников, которые одновременно являются как продуктом этой культуры, так и ее главными создателями.

Новизна рецензируемой работы проявляется не только в подходах, но и в фактологических примерах и обобщениях, во введении в научный оборот обширного нового материала. Все это подается часто в

необычных на первый взгляд, но на самом деле вполне научно обоснованных ракурсах и взаимосвязях.

Обратимся к содержанию книги. В первом разделе, озаглавленном «В начале» (автор Гамлет Петросян) (с. 3–22) дан краткий, но достаточно емкий исторический очерк, приведены различные легенды и гипотезы о происхождении армянского этноса.

Живо написан тем же автором раздел «Символы армянской идентичности» (с. 23–70), состоящий, в свою очередь, из нескольких параграфов. Первый получил поэтическое название «Мир как сад», при этом под словом «сад» подразумевается виноградник, культура которого известна на Армянском нагорье с древнейших времен. Практика урартских царей, для которых посадить виноградник, назвав его своим именем, было так же важно, как выиграть битву или построить храм, была продолжена и в Армянском царстве. Мотив виноградной лозы широко распространен в лапидарных надписях, старинных миниатюрах, скульптурных украшениях храмов, особенно таких, как Звартноц (VII в.) и Святого Креста (X в.) на о-ве Ахтамар. И в наши дни мастера используют этот мотив для украшения железных решеток при строительстве зданий, деревянных сосудов, ювелирных изделий, вышивок на одежде.

Другой символ идентичности – «Священная гора», Арарат, называемая армянами Масис. Древний взгляд на эту гору как на святыню, к которой, согласно библейской легенде, причалил Ной, сохранялся еще в средние века. На рубеже нового времени Арарат становится символом пацци. Когда же после Первой мировой войны Арарат в числе других армянских территорий был аннексирован Турцией и границами был физически отделен от армян, это способствовало тому, что художники и ремесленники стали все чаще изображать его в своих произведениях. Сейчас, по выражению автора, изображение священной для армян горы стало визитной карточкой Армении.

Третий параграф посвящен такому древнему символу, как храм. Автор проследживает эволюцию храмовых сооружений Армении от древнейших с круглым очагом в Мецаморе и Двине (III тыс. до н.э.) через урартские к храмам персидской эпохи, когда под влиянием зороастризма они стали храмами огня, но с принятием христианства в 301 г. были разрушены. На их месте были построены раннехристианские, а в дальнейшем крестово-купольные храмы. Особо выделяется сохранившийся от эпохи эллинизма и посвященный богу Солнца храм в Гарни (I в. н.э.). С течением веков многие храмы превратились в руины, а в XIX в., когда армяне, по словам автора, стали размышлять над своим культурным наследием, они сделали эти руины символом своей идентичности.

В XX в. некоторые детали храмовых сооружений стали применяться в гражданском строительстве. В самом конце XX в. стали строить и новые храмы. Особенно впечатляет построенный в Ереване к 1700-летию принятия Арменией христианства как государственной религии огромный храм, посвященный Св. Григорию Просветителю.

Важным символом идентичности для армян остаются письменность и книга. Несмотря на превратности судьбы, народ сумел сохранить около 30 тыс. рукописей по различным отраслям знания. Автор отмечает, что рукописная книга имела столь важное для армян значение, что к ней относились как к одушевленному существу. О книге могли сказать, что ее «взяли в плен», «арестовали», «похоронили», верили, что она может служить оберегом от разных несчастий. И сейчас люди нередко приходят навестить книгу, отданную в свое время ими (или их предками) в Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран), приносят ей цветы. Показательны и следующие приводимые автором факты: после землетрясения в Спитяке 1988 г. люди, разбирая завалы в поисках живых и зачастую не обращая внимания на какие-либо предметы, в случае нахождения книги, причем самой обычной, бережно сохраняли ее.

Символ христианского вероисповедания армян, а следовательно и идентичности – уходящая своими корнями к египетской и раннехристианской Армении самобытная форма архитектурно-декоративной скульптуры – *хачкары* (крест-камни). Это укрепленные на широком каменном основании высокие и массивные плиты прямоугольной формы, лицевая сторона которых, содержащая в центре композиции крест, сплошь украшена ажурной резьбой в виде сложного растительного и геометрического орнамента. Хачкары устанавливались по разным поводам: в честь военных побед, для увековечивания важных исторических событий, по завершении строительства храмов, мостов, родников и т.д. После монгольского завоевания Армении в XIII в. искусство изготовления хачкаров приходит в упадок, и они стали использоваться только как надгробные камни. В XV–XVI вв. часть хачкаров была превращена в массивные горизонтальные надгробия, на одной стороне которых изображались композиции, относящиеся к жизни покойного. После длительного периода относительно редкого использования с 1960-х годов вновь стали делать надгробные памятники в виде хачкаров, что получило особенно широкое распространение с 1990-х годов. Таким образом, заключает автор, христианский крест начал свой путь в Армении как символ победы и новой жизни, а

пришел к своему концу как символ смерти. Сегодня хачкар пытаются освободить от этого печального образа, идет поиск его новой сущности. Правда, отмечает автор, предвидеть, куда он приведет, пока трудно. В современной Армении правительство преподносит изображения хачкаров в дар почетным гостям как символ государства, а мастера-ремесленники продают изготовленные ими из камня, глины или дерева хачкары как ставшие очень популярными национальные сувениры.

Чрезвычайно информативен раздел «Поселения, жилища и их обитатели» (с. 71–98). Автор (Арутюн Марутян) прослеживает эволюцию городских и сельских поселений на Армянском нагорье начиная с древнейших времен и рассматривает жилище, дом как «мир», в котором была сосредоточена жизнь армянина. Подробно дано описание основных типов традиционных жилищ: дома с плоскими крышами, выстроенные террасами на горных склонах; жилища, выдолбленные в естественных пещерах (в некоторых из них жили до 1950-х годов, а сейчас там открыты магазины, бары, гончарные мастерские); описанный еще Кеснофонтом в V в. до н.э. *гхлатун* (букв. «дом с главой») – наземная или несколько углубленная каменная постройка со ступенчато-венцеобразным сводом, заканчивающимся квадратом свето-дымового отверстия *ердик*; *hazarashen* (букв. «тысячестрой») – более сложный вид гхлатуна с многоступенчатым венцеобразным сводом и конусообразной крышей, также имеющей ердик; принципиально отличные от сельских городские дома XIX в. со многими окнами и дверями, главная из которых была богато декорирована. Особый интерес представляют приведенные в разделе предания, обычаи и верования, связанные с постройкой дома, с имевшим сакральное значение и символизировавшим семью домашним очагом, свето-дымовым отверстием, а также с дверью, которая отделяла дом от внешнего мира и предохраняла от врагов, злых сил и прочих несчастий.

Самый большой раздел книги – «Ремесла и ремесленники» (с. 99–174). Он включает пять параграфов: «Дерево» (автор А. Марутян), «Глина», «Медь» (авторы Г. Петросян и А. Марутян), «Ковры» (автор Апхундж Погосян) и «Искусство шитья» (автор Ануш Шарамбеян).

В этом разделе описываются традиционные ремесла, многие изделия которых до сих пор служат для армян символом их идентичности. Большинство этих ремесел ведет начало с глубокой древности. Так, найденные археологами на Армянском нагорье изделия из керамики восходят к VIII–VII тыс. до н.э., из меди – к V–IV тыс. до н.э., из бронзы – к III тыс. до н.э., из дерева – ко II тыс. до н.э., фрагменты ковров – к концу II – началу I тыс. до н.э. Авторы показывают эволюцию этих ремесел вплоть до современности. Например, дерево с раннего средневековья использовалось для строительства куполов жилищ, крыш раннехристианских храмов, разного рода архитектурных деталей, позднее – домашней мебели, в том числе колыбелей, утвари, в частности ложек, кувшинов, маслобоск, прялок, амулетов для скота и т.д.

Современные мастера изготавливают из дерева сувениры – модели хачкаров, храмов, женские брони в виде миниатюрных старинных амулетов. Великолепные образцы керамики III тыс. до н.э. сменялись более поздними – из урартских поселений; славились своей керамикой, особенно обливной, и средневековые столицы Армении – Двин и Ани. В XIX–XX вв. сельские гончары изготавливали разнообразные изделия, необходимые в быту: традиционные печи – *тонирсы*, посуду для варки пицци, кувшины – *карасы* разного размера для хранения круп, масла, вина, воды, миски, маслобойки, светильники, большие сосуды антропоморфной формы для соли, считавшейся у армян оберегом, и т.д. Сегодняшние мастера делают сосуды для соли небольших размеров – на продажу, их охотно покупают и используют как по назначению, так и для украшения интерьера. Очень популярны в качестве сувениров мужские и женские керамические статуэтки в традиционной одежде.

Известно, что еще в урартском обществе символом богатства были всевозможные изделия из бронзы, например, кацделябры, статуэтки, украшения мебели. В средневековой Армении из бронзы делали церковные колокола. В XIX в. армяне предпочитали готовить пищу в медной посуде, широко использовали медные тарелки, подносы, кувшины. Медные изделия мастеров из Западной Армении неоднократно демонстрировались на международных выставках в Париже, Вене, Филадельфии, неизменно пользуясь большим успехом. В XX в. медное производство значительно сократилось. В советское время бронза шла в основном на памятники политическим и национальным деятелям. В 1960–1970-е годы, с широким распространением в Армении употребления кофе, мастера стали делать специальную посуду для его варки, а также небольшие сувенирные изделия. Во время энергетического кризиса начала 1990-х годов, когда деревянные предметы сжигали для обогрева, вновь увеличилось значение медных изделий, которые изготавливали в основном в г. Гюмри, славящимся своими ремеслами.

Армянские ковры, о которых упоминают еще античные авторы, получили широкое распространение и стали известны в мире только в средние века. Показательно, что даже европейский термин ковер – *carpet*

происходит от армянского слова того же значения *карпет*: его проникновение в Европу относится к тому времени, когда крестоносцы стали вывозить ковры из Армянского Киликийского царства (XI–XIV вв.) в Европу. Автор приводит разного рода композиции ковров, наиболее ранние из которых – «ковры дракона» (*вишипагорг*), дает описание процесса ковроткачества, которому армянки учились с детства, приводит обряды, связанные с этим ремеслом. В тяжелые 1990-е годы многие ковры, украшавшие интерьеры домов, были проданы или же увезены представителями армянской диаспоры в качестве символов их прародины.

Высокого уровня в Армении достигло и искусство вышивки, кружевоплетения. Разной техникой вышивали постельное белье, полотенца, скатерти, салфетки, красочными узорами расшивали рубашки, пояса, фартуки, кружевом украшали одежду. Это искусство передавалось в семье от матери к дочери как в сельской, так и в городской среде. Автор приводит трогательный эпизод, относящийся ко времени геноцида 1915 г. Когда армян гнали через пустыни Месопотамии, одна старая женщина оторвала кусок ткани от своей сорочки и, пользуясь тем, что иголка всегда была при ней, стала учить внучку вышивать узоры, принятые в их семье. Искусству вышивания как символу идентичности армянки-беженки учили выживших после геноцида детей в сиротских приютах, открытых в разных странах. Немало вышитых изделий привезли в Армению после Второй мировой войны репатриантки. Открывшийся в 1970 г. в Ереване Государственный музей народного искусства собрал богатую коллекцию вышивок и кружев. В тяжелые 1990-е годы многие мастерицы вынуждены были продать свои изделия, хранившиеся «на черный день».

Раздел «Личные украшения» (с. 175–203) состоит из двух параграфов – «Костюм» (автор Светлана Погосян) и «Ювелирное искусство» (автор Грачья Маргарян). Рассматривая два основных типа традиционной мужской и женской одежды, распространенных в Восточной и Западной Армении в XIX – начале XX в., автор не только описывает их, но и выявляет символическое значение тех или иных элементов костюма. Например, у восточных армянок предназначение женщины к материнству, ее плодовитость символизировали серебряный пояс с высокой пряжкой в виде купола, воплощающего, по поверью, материнское лоно, одновременно они считались и оберегами от злых сил; у западных армянок в этой роли выступал передник с богатым растительным узором, вышитым золотыми нитями, нередко с изображением древа жизни. Целомудрие женщины, ее скромность олицетворяли разного рода головные уборы, под которыми были спрятаны волосы, и одновременно включавшие налобные и височные украшения, головные платки, накидки, распространенные среди западных армянок ободки, украшенные вышивкой шелковыми нитками, обычно изображавшей райский сад.

Для мужчины шапка служила символом его идентичности и достоинства, она в глазах общества вполне могла замаскировать его в случае его отсутствия, например, во время обручения, праздника и даже смерти, когда родственники, не найдя тело, оплакивали его шапку. В наше время, когда традиционный костюм вышел из употребления, некоторые городские модницы надевают отдельные аксессуары из одежды бабушек, в частности, серебряный пояс, а художники, стремясь сохранить типы национальной одежды, шьют ее для кукол. Стилизованные формы традиционного костюма широко используют фольклорно-этнографические ансамбли.

Описывая ювелирное искусство, автор прослеживает его эволюцию на Армянском нагорье начиная с III тыс. до н.э., знакомит читателя с разными видами ювелирной техники, подчеркивает значительную роль в армянском обществе серебряных и золотых украшений, их символическое значение, а также говорит об обращении современных мастеров к традиционным образцам, которые определенным образом адаптируются ими к некоторым европейским стилям.

Интригующе назван последний раздел книги – «Бой, пир и праздник» (с. 205–260), состоящий из четырех параграфов. В первом из них – «Кузнец» (авторы Агаси Тадевосян и Гамлет Петросян) – говорится о том, что поскольку битва с древнейших времен играла важнейшую роль в жизни общества, а войны рассматривались как его герои-защитники в борьбе против злых сил, велика была и роль кузнеца, создающего оружие для этих воинов – символ их борьбы. Образ героя, обладающего магической силой, был мифологизирован в Армении. Три последующих параграфа – «Праздник и пир», «Зов зурны» и «Свадебное дерево» (автор Ршисме Пикичян) взаимосвязаны и посвящены праздничной культуре армян. Подробно описываются народные и христианские праздники, сопровождавшие их многочисленные ритуалы, символически осознаваемые как средство защиты от смерти и направленные на победу жизни, на спасение Космоса от Хаоса. Интересны сведения о том, как проходили и какими ритуалами обставлялись царские пиры, участники которых обязаны были соблюдать принцип социальной иерархии. Пир и праздники всегда сопровождалась музыкой, исполнявшейся на народных инструментах, громкие звуки которых призваны были защитить общество от опасности и победить силы Хаоса. Мелодия гимна Солнцу звучала в начале и в конце

любого праздника. Любимым народным персонажем был певец-музыкант – *гусан*, роль которого была аналогична роли поэта.

Подробно автор останавливается на самом значительном, сложном и продолжительном празднике жизненного цикла – свадьбе, на примере некоторых обрядов выявляет их символическое значение, обозначающее переход вступающих в брак из одного мира в другой, из одного статуса – в другой. Особенно это относится к принадлежавшей «чужому» и «враждебному» миру невесте, которую жених, подобно сказочному герою, должен оберегать и защищать, чтобы перевести ее из «мира Природы» в «мир Культуры». На эту цель направлены, к примеру, такие обряды, как «шитье свадебного наряда невесты», «бритье жениха», «украшение свадебного дерева», ритуальное закалывание «свадебного быка», обряд «охоты жениха», представление жениха и невесты как «царя» и «царицы», круговые танцы, громкая музыка, различные свадебные персонажи и т.д. Многие элементы традиционной свадьбы сохранились до наших дней, а некоторые начали возрождаться.

Книга завершается послесловием – «Ремесленник: традиционный образ и современные функции» (с. 261 – 270), в котором Л.А. Абрамян подытоживает результаты исследования и подчеркивает, что перед авторами стояла задача познакомить читателя с армянской культурой через творения мастеров-ремесленников, которые выступают в книге как важные ритуальные персонажи, а порой даже как главные ритуально-мифологические герои. Он подчеркивает, что почти во всех разделах книги мастер-ремесленник – это прежде всего творец-демиург, причем в самых разных ипостасях: это и классический демиург, из праха земного творящий мир армянской культуры (например, гончар), и демиург, окультуривающий мир природы (например, кузнец), который к тому же вступает в единоборство с силами Хаоса и Зла, и демиург в буквальном смысле этого слова, творящий людей и их мир в очаге-тонире (как женщины, выпекающие ритуальные печеня в канун Нового года), и демиург, украшающий мир космическим узором (ювелир), и, наконец, демиург-трикстер (обманщик), хитроумными навыками своего ремесла обеспечивающий благополучие людей.

С конца 1980-х годов тяжелый переходный период вызвал определенные изменения в ремесленном производстве: хотя многие мастера не пошли на компромисс и сохранили прежние традиции своего ремесла, но появились и новые мастера, которые в угоду спросу и выгоде изготавливают вместо настоящих изделий множество сувениров, например, мастера музыкальных инструментов создают их «безголовые» миниатюрные копии, другие делают макеты глхатунов, чтобы привлечь тех, кто тоскует по традиционной жизни. Некоторые мастерицы снизили уровень своих традиционных вышивок, требовавших большой затраты времени. Отдельные современные мастера, думая угодить покупателю, изображают в одном произведении сразу несколько символов армянской идентичности, например, священную гору, древний храм, хачкар, книгу. Сегодня ремесленник редко исполняет роль прежнего ритуального героя, борющегося со Злом. Однако в целом преемственность армянской культуры сохраняется.

К несомненным достоинствам книги следует отнести составленные Л.А. Абрамяном на высоком профессиональном уровне обширный указатель терминов, глоссарий и библиографию. Один из секретов успеха книги, делающий ее весьма познавательной и интересной для широкого круга читателей, – то, что она богато иллюстрирована яркими и впечатляющими фотографиями, выполненными Сэмом Сузи и Завеном Хачикяном. Причем большая часть фотографий не встречались в других изданиях по армянской культуре. Высокопрофессиональная рука и меткий глаз фотографа, которого всегда сопровождали один или два автора книги, проявляется не только в замечательных «живых» мгновениях действительности, но и в, казалось бы, стандартных снимках музейных экспонатов. Красивый внешний вид книги придает и то, что она издана на мелованной бумаге. Остается выразить пожелание увидеть эту во многом примечательную книгу переведенной не только на армянский, но и на русский язык. Уверены, что она будет иметь такой же большой успех, какой она имеет в настоящее время среди англоязычных читателей.

С.А. Арутюнов, А.Е. Тер-Саркисянц